

5. Сергиенко Е. А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека / Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедева, О. А. Прусакова. – М. : Институт психологии РАН, 2009. – 415 с.
6. Словник української мови : [в 11-ти т.; т. 11] : [електронний ресурс] / В. М. Білоноженко, В. Й. Горобець, Ш. Г. Кренцель, А. Ф. Марахова та ін. ; [під ред. Н. Є. Лозова та С. І. Голавашука]. – Київ : Наукова думка, 1980. – Режим доступу: <http://sum.in.ua/s/jarlyk>.
7. Тейлор Ч. Этика автентичності : [2-ге вид.] / Чарльз Тейлор ; [пер. с англ. та заг. ред. А. Васильченка]. – К. : Дух і літера, 2013. – 128 с.
8. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Альфред Шютц ; [сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода Г. С. Батыгин]. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

УДК 111.12

Москвин Я. В.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

РАДОСТЬ КАК ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР В АНТРОПОЛОГИИ ЧЕСТЕРТОНА

В статье рассматриваются философские взгляды английского писателя, журналиста, эссеиста и мыслителя Гилберта Кейта Честертон. Произведения Честертон показывают альтернативный взгляд на проект модернизма, подвергая критике его крайние проявления. Честертон предлагает свое видение философской ситуации времени и человека в нем. Радость как позитивный настрой на мир приобретает у Честертон онтологический статус. Честертон выступает как защитник обыденных вещей, простых людей и показывает, что традиция является единственной демократией, прошедшей испытание временем.

Ключевые слова: Честертон, свобода, радость, теoантропология.

У статті розглядаються філософські погляди англійського письменника, журналіста, есеїста та мислителя Гілберта Кейта Честертон. Твори Честертон пропонують альтернативний погляд на проект модернізму, піддають критиці його крайні прояви. Честертон пропонує свій погляд на філософську антропологію. Радість як позитивний настрій являє у Честертон онтологічну категорію. Честертон виступає як захисник звичайних речей та простих людей, а також демонструє, що традиція є єдиною демократією, яка пройшла перевірку часом.

Ключові слова: Честертон, свобода, радість, теoантропология.

The article concerns with philosophical views of English writer, journalist, Christian apologist Gilbert Keith Chesterton. It deals with critics of modernism and postmodernism projects. Anthropology of Chesterton connected with theology and tradition, but it has unique character, because it is still relevant. Chesterton writes about ideas that drives people and shows that philosophy has of significant importance in life. The conclusion is made that Chesterton's philosophy shows the joy as ontological category.

Key words: Chesterton, freedom, joy, happiness, anthropology, theology.

Гилберт Кейт Честертон был одним из самых интересных и выдающихся англичан своего времени. Исследования его художественного творчества показывают влияние писателя на разные жанры литературы, в том числе поэзии. Можно отметить, в частности, влияние творчества Честертон на формирование детективного канона, а также фэнтези и фантастики. Творения Честертон в целом можно отнести к направлению неоромантизма. [15] В литературной критике многое изменили биографическо-критические книги Честертон: «Диккенс», «Чосер», «Шоу», «Браунинг», «Стивенсон». Как публицист Честертон выпустил огромное количество эссеистики, он был колумнистом ведущих британских изданий. [22] На богословие и христианскую мысль повлияли такие его трактаты, как «Ортодоксия», «Вечный человек», очерки «Фома Аквинский» и «Франциск Ассизский». Все художественные

произведения Честертон полемичны не только в смысле своих тем, но и в том смысле, в каком подается само произведение, персонажи которого постоянно ведут философские дискуссии. Иногда их полемика настолько глубока, что может сравниться с диалогами Платона.

В связи с этим многие философы посвящают свои работы Честертону, среди которых: Э. Жильсон, К. С. Льюис, С. Аверинцев, С. Жижек, Дж. Милбанк и другие. Вот что пишет Жижек в статье «От Иова к Христу: прочтение Честертон через апостола Павла»: «... нет ничего удивительного в том, что самые интересные этапы развития католической теологии случаются, когда она неожиданно сближается с протестантизмом. В качестве примера можно привести янсенизм, придавший католическое звучание протестантскому понятию предопределения, а также Гилберта Кейта Честертон, который довел идею смерти Бога до самого радикального вывода: лишь в христианстве самому Богу пришлось пройти через атеизм» [7, с. 246]. Жижек подчеркивает актуальность обращения к Честертону тем, что упоминает его в контексте споров о христианской философии. По мнению Жижека, мы не сможем понять сегодня ни христианство, ни Ветхий Завет, ни значение апостола Павла, ни интеллектуальный горизонт XXI века без Честертон. Также Жижек говорит о том, что Честертон не боится затрагивать самые острые проблемы внутри христианства, даже такие, как сомнения Христа.

Честертон высказывал неординарные взгляды на совершенно разные темы. Он писал о различных проблемах настолько глубоко, что и сейчас его тексты могут давать идеи, которые не всегда продуцируют современные специалисты. Английский мыслитель выходил за пределы своего времени, следовательно, его тексты могут дать многим областям знаний (в первую очередь – гуманитарным наукам) серьезную пищу для размышлений. При этом стоит отметить, что Честертон знаменит прежде всего как эссеист и публицист, а вот его философия изучена мало. Поэтому её рассмотрение и осмысление в контексте ситуации в Украине и европейской философии в целом выглядят весьма актуально.

Цель статьи – показать основные мотивы мировоззрения Честертон и определить главенствующий принцип, на котором держится каркас его философии. *Задача статьи* состоит в том, чтобы продемонстрировать понимание человека в интеллектуальном наследии Честертон.

Сложность исследования состоит в том, что Честертон не был академическим философом и его философские взгляды, отраженные в его высказываниях и произведениях, являются весьма оригинальными, их не всегда можно отождествить с тем или иным философским течением. Следует отметить, что на Честертон повлияли такие мыслители, как Фома Аквинский, Р. Л. Стивенсон, Х. Беллок, Дж. Макдональд, Дж. Г. Ньюмен, Р. Браунинг, У. Коббет. [22] В свою очередь Честертон повлиял на инклингов (К. С. Льюиса, Дж. Р. Толкина, Д. Л. Сэйерс и др.) и многих других. [4]

Очертам поле исследования. Мы располагаем такими текстами Честертон, которые прямо являются философскими – это «Еретики» (на стыке литературной критики и философии), «Ортодоксия» (на стыке теологии и христианской философии), «Вечный человек» (на пересечении философии истории и очерка «психологической истории», по выражению самого мыслителя), «Что стряслось с миром?» (на границе журналистской публицистики и социальной антропологии). Все очерки Честертон о людях имеют минимальный фактологический характер (что в случае философского осмысления является плюсом для исследователей).

Вновь обратимся к одному из самых страстных почитателей Честертон, который цитирует его почти в каждом своем произведении, С. Жижеку: «В этом смысле сами наши “свободы” служат тому, чтобы скрывать и поддерживать нашу глубинную несвободу. Сто лет назад, делая акцент на признании некоторых застывших догм как условий (требуемой) действительной свободы, Гилберт Кейт Честертон очень точно раскрыл антидемократический потенциал самого принципа свободы мысли». [6, с. 1] Далее Жижек вопрошает: «Разве это не истинно по отношению к нашему “постмодернистскому” времени с его свободой к деконструированию, сомнению, дистанцированию от себя самого? Не следует забывать, что Честертон делает то же самое утверждение, что и Кант в своей работе “Что такое Просвещение?”» [6, с. 1]. И утверждает: «Честертон также достаточно последователен, чтобы озвучить лицевую сторону девиза Канта: борьба за свободу нуждается в отсылке к некоторой неоспоримой догме» [6, с. 1]. Здесь Жижек актуализирует спор о свободе и свободомыслии в

контексте Честертон и Канта. Он критикует этих мыслителей за их недостаточную революционность. Однако вопрос о неоспоримой догме действительно нуждается в том, чтобы быть поднятым, вопреки всему постмодернистскому давлению на любые постулаты. Далее мы затронем вопрос неоспоримых догм. Жижек постоянно цитирует Честертон в своих книгах еще и потому, что чувствует в нем оппонента, который говорит от имени христианской традиции современным языком, а левые интеллектуалы XXI века, судя по всему, испытывают нехватку таких мощных оппонентов, которым был Честертон (он очень любил споры и постоянно вступал в публичные дискуссии по практически любым вопросам). Как известно, левые интеллектуалы мыслят себя только в противостоянии (и не так важно, чему именно), без которого они не видят смысла в своем существовании.

В контексте сказанного называет необходимость синтеза честертонской проблематики и современности. Тем философом, который делает это сейчас является Джон Милбанк. [12] Наряду со своими единомышленниками из разных стран он актуализировал понятие радикальной ортодоксии, на которое в немалой степени повлияли тексты Честертон. Метод построения концепции состоит в том, чтобы разбирать секуляризованное интеллектуальное пространство, находить в нем теологические корни и разоблачать его нейтральность. Английское общество времен Честертон трансформировалось как технологически, так и метафизически. В философской области Честертон угадал по плодам модернизма то, к чему может привести постмодернистский релятивизм. Поэтому его «Ортодоксия» вызывала и будет вызывать как просто полемические, так и академические дискурсы. Милбанк не хочет идти на поводу у состоявшихся подходов в философии, таких как марксизм, психоанализ или структурализм. Он выявляет их скрытые или явные аксиомы и предлагает вернуться к классической христианской теологии, вместо того, чтобы применять сложившиеся секуляризованные философские традиции к новым исследованиям. Выявляя догматические моменты в не догматичных, казалось бы, подходах, Милбанк предлагает переосмыслить заново многие устоявшиеся концепции. В связи с этим радикальная ортодоксия провоцирует появление богословских подходов в самых неожиданных сферах. Например, это богословие музыки, богословие литературы, даже богословие сексуальных отношений. Таким образом ортодоксальный подход сообщает много нового даже в не относящихся, на первый взгляд, к религии сферах. [11]

Влияние Честертон на философию религии огромно. Оно прослеживается от католического и протестантского богословия вплоть до православного. Также можно проследить его влияние на философию консерватизма. При том, что сам Честертон не всегда относил себя к консерваторам. По большому счету он не называл себя философом, ему был чужд академизм. Переводчица Честертон на русский язык, Н. Трауберг говорила о том, что Честертон описывал в своих очерках людей с помощью религиозно-философского подхода к раскрытию их жизни и эпохи. [16] То есть можно выделить особый честертонский метод – способ описывать человека как «продукт» собственного мировоззрения и религиозных взглядов.

Первый литературный «трактат» Честертон назывался «Еретики», в нем Честертон подвергает критическому анализу философско-мировоззренческие взгляды писателей того времени: Б. Шоу, Г. Уэллса, Р. Киплинга, Р. Л. Стивенсона и других. Следует отметить, что журналистика в начале XX века в Англии отличалась развитостью публицистики. Журналист вполне мог стать оратором, а творческое изложение мыслей только приветствовалось. Однако Честертон пошел дальше других, он развил жанр эссе до высот художественной литературы, не упуская насущность проблематики. Стиль письма Честертон проявляется в том, что он постоянно затрагивает философские проблемы и часто делает это с помощью риторических приемов, используя метафоры, парадоксы, оксюмороны и другие стилистические тропы. В самом мышлении Честертон заложена парадоксальность, но эти парадоксы нельзя сравнивать с парадоксами, например, О. Уайльда, потому что у последнего парадокс главенствует над истиной, а у Честертон истина «становится на голову, чтобы её заметили». Вот что Честертон пишет о современной ему философской ситуации: «Прагматист велит человеку думать то, что ему нужно, не заботясь об Абсолюте. Но человеку непременно нужно думать об Абсолюте. В сущности, эта философия – словесный парадокс: прагматист заботится о нуждах человека, а одна из главных потребностей человека – быть чем-то большим, чем

прагматист. Крайний прагматизм столь же бесчеловечен, как и детерминизм, на который он так ожесточенно нападает. Детерминист (он-то, надо отдать ему должное, и не притворяется человеческим существом) превращает в бессмыслицу право человека на подлинный выбор. Прагматист провозглашает, что он особенно человечен, и превращает в бессмыслицу право человека на подлинный факт» [18, с. 536-537].

В своей литературной критике и очерках Честертон защищает в какой-то степени консервативные взгляды, можно даже сказать, что он близок к философии традиционализма. Между тем, он убежденный демократ и в целом положительно относится к либерализму: «В либерализм я верю, как прежде, нет, больше, чем прежде, но было блаженное время, когда я верил в либералов» [18, с. 545]. Честертон – один из основоположников дистрибутизма, движения христианской демократии. По мнению С. Кларка, Честертон согласился бы с Т. Джефферсоном: «Только тогда все будет делаться к лучшему, когда мы разделим и раздробим все республики, начиная с великого государства и всех его подразделений и далее вплоть до передачи каждой фермы и любых дел в руки самого человека, пока не будет подчинено каждому то и только то, что может охватить его взгляд» [10, с. 103]. Честертон часто высказывался о политике и очень часто критиковал политику Британской империи. Он был одним из немногих, кто поддерживал буров в англо-бурской войне. [22] Идейно Честертон близок традиционализму в своей критике модерна, но он не может называться неотрадиционалистом в смысле интегрального традиционализма, который основал Р. Генон или христианским фундаменталистом. Честертон защищает здравый смысл, но он не защищает традицию только потому, что она является историчной. Иногда ортодоксия противостоит традиции или традициям, и выбор Честертон всегда на стороне католического христианства.

Надо отметить, что Честертон критиковал фашизм в самом начале его появления в Италии. На этом фоне «идеологические противники» Честертон – Б. Шоу и Г. Уэллс выглядят неактуально и даже позорно, когда они защищают политику Сталина и СССР, хотя нужно понимать, что в то время всего об этом тоталитарном режиме они знать не могли. Честертон выступал за всё небольшое и автономное против огромного, бесформенного, безграничного, бесконечного и неудобного. Философия политики именитого интеллектуала сводится к апологии маленького, незаметного и простого – то есть смиренного. Честертон постоянно вступал в полемику с интеллектуалами и философами своего времени, среди которых был и Б. Рассел. [24]

Философия Б. Шоу (близкого знакомого Честертон) критикуется так же жестко, как толстовство и нищезанство (две крайности для философии Честертон). При этом важно отметить, что Честертон никогда не страдал «критиканством», то есть критикой людей и мировоззрений ради самой критики, в чем могут быть обвинены, например, философы-постмодернисты. В своей критике он подвергает уничтожению философские крайности скептицизма и релятивизма.

Наверное, самым главным является то, что Честертон выступает против пессимизма, он считает это слабостью, силой же он считает здоровье, которое «интересней и сложней безумия» [18, с. 595] Безумие в понимании Честертон – болезнь. Единственное её отличие от других болезней в том, что сам человек лечиться и выздоравливать не хочет. А вот что пишет Честертон о расхожем стереотипе о том, что любовь ослепляет: «Преданность не мешает критике; фанатик смело может быть скептиком. Любовь не ослепляет, куда там! – любовь связывает, и чем крепче ты связан, тем яснее видишь» [18, с. 569].

С. Кларк в своей книге отмечает особенности философии Честертон и разбирает её по темам. [10] Опираясь на выделенные им моменты, мы отметили некоторые наиболее важные идеи, разрабатываемые Честертон.

Обычные люди и обиденные вещи. Честертон часто выступает как защитник обычных вещей, его сборник эссеистики «Защитник» содержит такие эссе, как «В защиту фарса», «В защиту опрометчивости», «В защиту дешевого чтения», «В защиту детопоклонства» и другие. [21] Например, в наше время его эссе об отношении к детям как «к центру бытия» воспримется положительно, тогда как в те времена на эти вопросы смотрели несколько иначе. Однако Честертон отстаивает право на защиту, которого постоянно пытаются лишить человека то коммунисты, то поклоняющиеся науке модернисты, то современные оккультисты. На фоне этих течений мыслитель отстаивает *человеческие* ценности.

В эссе «О поклонении успеху» и «О поклонении богатым» Честертон защищает бедных, он всегда был на стороне неимущих, при том, что сам не был беден – он был успешным журналистом и писателем. Его мышление можно называть консервативным и в то же время демократичным. Он не говорил о любви к народу, он любил каждого. Наверное, он больше всех в XX веке написал о добродетелях поденщиц и доблести дворников. Частые отсылки Честертон к народным сказкам предполагают, что Честертон видел в народе тот потенциал, который движет историей: «Нетрудно понять, почему легенда заслужила большее уважение, чем история. Легенду творит вся деревня – книгу пишет одинокий сумасшедший» [18, с. 546].

В эссе «Двенадцать человек» он затрагивает серьезную тему присяжных, судейства, а также тот факт, что профессионалы не всегда лучше любителей: «Когда нам нужно составить библиотечный каталог или открыть созвездие – мы обращаемся к профессионалу. Но когда нам нужно сделать поистине серьезный выбор, мы призываем двенадцать человек, оказавшихся под рукой. Если память мне не изменяет, именно так поступил Иисус» [19, с. 311]. В этом философ видел истинный принцип демократии. В то время, как анархия – худшая из диктатур – является главным врагом свободы и демократии. Об этом Честертон написал роман «Человек, который был Четвергом». Вот что писал Честертон о той демократии, из которой не исключают предков: «Традиция расширяет права; она дает право голоса самому угнетенному классу – нашим предкам. Традиция не сдается заносчивой олигархии, которой выпало жить сейчас. Все демократы верят, что человек не может быть ущемлен в своих правах только из-за такой случайности, как его рождение; традиция не позволяет ущемлять права человека из-за такой случайности, как смерть. Демократ требует не пренебрегать советом слуги. Традиция заставляет прислушаться к совету отца. Я не могу разделить демократию и традицию, мне ясно, что идея – одна» [18, с. 389].

Защита понятия истины. Честертону были свойственны «утопические» средневековые идеалы рыцарства. Он считал их проявлением христианской этики. Принцип рыцаря состоит в том, что последний служит добру, истине и красоте одновременно. Однако здесь нам важно проследить его отношение к понятию истины и заблуждения. Честертон всегда выступал за понятие *истины*, отмечая, что без фундаментальных основ философствование будет весьма шатким и скудным. Также он критиковал релятивизм в морали и нигилистический пафос модерна в лице одного из его пионеров: «Кстати, в этом – большая слабость Ницше, которого многие считают смелым и сильным философом. Конечно, он пишет убедительно и красиво; но уж никак не смело. Чего-чего, а отваги в нем нет. Он никогда не скажет, что думает, простыми абстрактными словами, как говорили твердые и бесстрашные мыслители – Аристотель, Кальвин, даже Маркс. Он вечно прячется за пространственную метафору, как резвый, но не слишком талантливый поэт. Не осмеливаясь сказать “хуже зла” или “лучше добра”, он говорит “по ту сторону добра и зла”. Посмей он взглянуть своей мысли в лицо, он увидел бы, что это – чушь. Описывая своего героя, он не скажет, что тот – чище, или счастливей, или несчастней других: ведь это все мысли, штука опасная. Он говорит, что тот выше других, но так можно сказать об акробате или об альпинисте. Ницше – очень робкий мыслитель. Он и сам не знает, какой именно ему нужен сверхчеловек» [18, с. 598]. Честертон говорит о том, что само по себе понятие истины не может устареть или оказаться «не подтвердившейся гипотезой» – напротив, на основании таких понятий и может функционировать мышление, иначе оно само загонит себя в тупик под громкое торжество иррационализма.

С. Аверинцев, изучая работы Честертон, отмечал: «... честертоновское видение вещей сплошь да рядом бывает вызывающе неверным в конкретных частностях и неожиданно верным, даже точным, в том, что касается общих перспектив, общих пропорций <...> Любая тема – предлог, чтобы еще, и еще, и еще раз поговорить о самом главном: о том, ради чего люди живут и остаются людьми, в чем основа, неотчуждаемое ядро человеческого достоинства» [11, с. 332]. Аверинцев утверждает, что в мире Честертон «Любая вещь на свете, любое человеческое дело, о котором стоит говорить, есть для него триумф над своей собственной невозможностью. Самые привычные предметы – самые странные, потому что они увидены, как в видении нерожденного ребенка, на фоне вселенской тьмы и пустоты» [11, с. 333]. Всех вещей в нашем мире и даже самой Вселенной могло бы не быть, но они есть – и в этом благая весть Честертон. А вот что писал Аверинцев по поводу поэмы Честертон «Белый конь»: «Поэма Честертон, как и все его творчество, исходит из веры в то,

что надежда должна одинаково далеко отстоять и от победительности, и от пораженчества, что жизнь есть рыцарское приключение, исход которого совершенно неизвестен и которое именно поэтому следует принимать с великодушной веселостью» [1, с. 330].

Истина в философии Честертона всегда связана с благом, а правда приносит свободу. Между тем, он не считал, что всё духовное – благо, поэтому критиковал спиритуалистов и теософов, предостерегая от излишней «духовности» платонизма, которая относится ко всему материальному миру с пренебрежением. Таким образом он защищал истину физического материального мира, а не только свободу духа от нападков материалистов. В этом состоит подход Честертон к пониманию человека.

Важно отметить: своим творчеством Честертон показывает, что академичность бывает вредна для прояснения смысла, научные термины часто только затемняют мысль. При этом философ не выступает за нерациональность: «...какая бы опасность ни грозила уму, она исходит от логики, а не от воображения. Я не собираюсь нападать на авторитет логики, моя конечная цель – ее защита, ведь логика очень нуждается в защите: современный мир объявил ей войну, и ее твердыня уже колеблется» [18, с. 532]. Здесь можно провести параллели с Фомой Аквинским, который легитимировал защиту веры с помощью рационалистической философии. Честертон также являлся католиком, он принял католичество в зрелом возрасте. [22] Иногда возникает вопрос о том, можно ли назвать Честертон богословом – это сделать можно, если вспомнить разделение богословия Фомой Аквинским на теологию откровения и философскую теологию. Честертон занимался последней. При этом он очень далёк от схоластически структурированного изложения вопросов. Если определить, в какой сфере теологии особо отметился Честертон, то это будет *богословие простых вещей*. Он защищал право обычного человека на то, чтобы его не относили к угнетенному классу (как это делали марксисты), или невроту (как это делали психоаналитики), или даже сверхчеловеку (но чаще к недочеловеку), как делали нищезанцы. Все это говорит не только о защите истины Честертоном, но и о его практичности, применимости его теории к жизненной практике.

Критика прогрессизма. Честертон написал довольно много критики касательно научного и социального дарвинизма. Особенно он предостерегал от социального дарвинизма – и в этом его прогнозы оказались правдивы, поскольку нацизм (и в целом расизм) черпали свои идеи именно отсюда. В «Вечном человеке» Честертон пишет об историческом процессе и критикует монополию концепции эволюции, противопоставляя ей появление человека как революцию: «Возникновение человека – скорей революция, чем эволюция. Да, у нас есть позвоночник, как у рыб, птиц и млекопитающих, что бы этот факт ни значил. Но если мы сочтем человека животным, вставшим на задние лапы, все, что он делает, покажется нам таким диким, словно он встал на голову» [18, с. 116]. Большинство людей и сейчас разделяют такое убеждение, как вера в прогресс, и эта точка зрения безальтернативна, потому что понятия эволюции и прогресса размываются настолько, что сказать о конкретном их смысле уже практически невозможно. В эссе «Преступный череп» из сборника «Смятения и шатания» разбирается популярный тогда социальный дарвинизм и вообще эволюционизм как ложная – а именно пустая, не имеющая своих свойств философия. Понимание мира как эволюционного процесса, который не имеет конца, приводит к тому, что появляется вера в то, что все устроится само собой, и от человека ничего не зависит. Вот что философ пишет о прогрессе: «Часто говорят, что надо быть прогрессивным, потому что все идет к лучшему. На самом деле единственный довод в пользу прогресса – то, что все идет к худшему. Все портится; вот лучший аргумент в пользу прогресса. Если бы не это, консерваторам было бы нечего возразить. Они говорят: оставьте все как есть и будет хорошо. Но это не так. Все будет плохо. Оставьте в покое белый столб – и он очень скоро станет черным. Хотите, чтоб он был белым, – красьте его снова и снова; другими словами, снова и снова восставайте. Если вам нужен старый белый столб, постоянно создавайте новый. Это – так, когда речь идет о предметах; это еще верней и страшней, когда речь идет о людях. Все человеческие установления старятся с такой сверхъестественной быстротой, что нам нельзя думать ни минуты. В газетах и книжках принято писать о тяжком иге старых тираний. На самом же деле мы почти всегда страдаем от новой тирании, которая лет за двадцать до того была свободой» [18, с. 607].

Честертон не отвергал современные новшества, однако всегда подчёркивал, что есть нечто неизменное для того, чтобы мы могли говорить об изменениях. Если всё изменяется – то

нельзя сказать «всё», нет такого понятия. Этот логический парадокс можно поместить в контекст истории философии, провести параллели, например, с И. Кантом, который утверждал, что изменяется лишь постоянное, а непостоянное не может изменяться, оно может только подвергаться смене. [9] В данном случае нас интересует оригинальность критики Честертона, а также важно само отделение таких спекулятивных понятий как «эволюция» и «прогресс» от фактов естествознания. В эссе «Псевдонаучные книги» из сборника «Польза от различий» Честертон обрушивается с критикой на популярный жанр, имеющий распространение и сегодня, – псевдонаучную литературу, которая от имени науки подает домыслы, например, о доисторических временах, рисуя их в том виде, какой выгоден той или иной идеологии, например, дарвинизму: «Из дарвинизма можно вывести две безумные нравственные системы (и ни одной разумной). Учение о сродстве и борьбе всех существ может породить и болезненную жестокость, и болезненную сентиментальность – только не здоровую любовь к животным. Исходя из эволюции, можно стать бесчеловечным или слащавым – человечным стать нельзя» [18, с. 604].

Радость как выбор. Честертон – автор сборника эссеистики «Вкус к жизни», где он описывает незначительные, на первый взгляд, нюансы обыденной жизни, помогает человеку возродиться духом во время пессимизма безверия. Публицист не только выступал критиком и ставил проблему, но и показывал её позитивное решение, выход – это также отличает его от многих писателей и мыслителей. Философию Честертон как апологию здравого смысла и как жизнеутверждающий настрой на мир можно назвать исцеляющей. Честертон был практическим философом. Его гносеология в том, что мир логичен, но не до конца, если мы как следует не удивимся – мы ничего не поймем. Его онтология в том, что он придает радости онтологический и мистический статус. Он утверждал, что современному европейскому человеку может быть понятна страшная и зловещая мистика, возможно даже мистика блаженства, но не мистика веселья, человек утратил эту способность (в отличие от средневекового человека, знающего толк в праздничном балагане). Счастье, в понимании философа, это не просто баланс между двумя крайностями, не умение довольствоваться малым, и не избегание страданий. Счастье в том, что радость бытия в мире сильнее, чем самое большое горе. Радость – не есть краткая передышка между тяжелыми испытаниями; сама добродетель радости осязаема, она не является простым отсутствием мучений. Честертон говорит о том, что делает человека счастливее, добрее, лучше, прекраснее и мудрее, вместо того, чтобы сетовать на недостижимость идеалов. Всем этим пропитаны его произведения: как художественные, так и философские. Он воссоздал жанр эссе, и использовал литературу не только как искусство, но и как метафизику. Здесь открываются возможности для дальнейших антропологических исследований связи литературы и трансформации не только «философского» пространства, но и социальной сферы. Однако радость для Честертон не есть просто данность, человек должен выбрать ее осознанно. В этом заключается индивидуальная антропология мыслителя. Человек для начала должен *принять* мир, и только тогда ему могут открыться его секреты.

Экзистенциализм – не то, чем примечательно творчество Честертон. Однако его можно назвать и экзистенциалистом, только в противоположность Ж.-П. Сартру он видел в мире не одно лишь страдание: напротив, Честертон «деконструировал» пессимизм и вместо «страдания» говорил об «унынии», в котором видел проблему. Он выступал против смешивания позитивных и негативных чувств человека: «Нам не нужно, чтобы радость и гнев смешивались в унылом довольстве, – мы хотим яростной радости и яростного гнева. Мир должен быть для нас замком людоеда, который мы обязаны взять, и собственным коттеджем, куда мы можем вернуться под вечер» [18, с. 569].

Что касается сугубо философских корней честертоновской философии, то по своему пониманию человека и мира в ней можно найти отголоски феноменологии Э. Гуссерля. Честертон использует парадоксы, эксцентрику как прием, необычный ракурс человеческого взгляда – все это очищает любой отдельно взятый предмет рассмотрения от наслоения привычных мнимостей, поэтому этот жест можно сравнить с феноменологической редукцией Э. Гуссерля. Знал ли Честертон Гуссерля – неизвестно, но это не так важно. Честертон является одним из самых выдающихся популяризаторов философского подхода к жизни, в то время как у феноменологии с этим были проблемы. Честертон относится к любому феномену с интересом, которому бы позавидовали даже увлеченные своей работой ученые. И так, каждый, кто мыслит

и является творческим человеком, даже не имея непосредственного отношения к философии, может почерпнуть у Честертона этот клад любви к жизни и традицию уважения к демократии, а также христианскую философию в её возрождении, которое необходимо и в XXI веке.

Рассматривая художественные произведения Честертона, можно сделать вывод, что традиция пессимизма, которая состоялась в литературе XX века, противостоит жизнелюбию Честертона. Он выбивается из этой плеяды (возможно, не один, а вместе с другими неоромантиками: например, с Р. Л. Стивенсоном). Пожалуй, основная мысль философии Честертона – это благодарность за бытие, как он показывает это на примере Р. Л. Стивенсона: «Радость весома и вещественна, как скорбь, если не больше. Находить ее в пустых, несерьезных вещах – все равно что насытиться картонными курами или бутафорской булочкой. Истинно легкомысленный человек, нередкий в хорошем обществе, слишком легкомыслен для радости. Стивенсон умел так радоваться именно потому, что верил. Он считал себя незнатным гостем на вечном, веселом пиру и потому не брезговал угощением, а принимал его с беспечной благодарностью ребенка. Он скакал на дареном коне бытия и легко и ловко сидел в седле, в отличие от менее покладистых философов, которые вот-вот свалятся, стараясь заглянуть коню в зубы» [21, с. 390].

Смещение акцента исследования с Честертона как писателя на Честертона как философа обусловлено тем, что в философии до сих пор происходит ситуация постмодернистского неверия в возможность познания. Это означает то, что должна быть проведена подпитка философии из других источников, дабы гносеологический кризис не завел ее в тупик и она не потеряла свою востребованность в обществе. Популяризация философии методами Честертона – прекрасная идея как для философов, так и для журналистов. Изучение влияния литературы на публичную сферу, на наш взгляд, немислимо без Честертона, который был одним из подлинных ее реформаторов. Подводя итоги, надо сказать, что основная мысль философии Честертона в том, что жизнь – это бесценный дар, а страдание не является последним «словом», звучащим в мире. Академические исследования философской антропологии Честертона только начинаются, но уже видно, как он поставил истину с головы вновь на ноги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Гилберт Кит Честертон, или Неожиданность здравого смысла / С. С. Аверинцев // Г. К. Честертон. Писатель в газете: художественная публицистика. – М. : 1984. – 329–342.
2. Афонина Ю. Н. Традиция Г. К. Честертона и «Концепция радости» К. С. Льюиса / Ю. Н. Афонина // Вестник ВятГГУ. – Киров, 2011. – № 1.
3. Борхес Х. Л. О Честертоне / Х. Л. Борхес ; [пер. с англ. Е. Лысенко] // Борхес Х. Л. Проза разных лет. – М. : Радуга, 1984. – С. 214.
4. Валоженич А. В. Аллит П. Католические обращения. Британские и американские интеллектуалы поворачиваются к Риму (Allitt P. Catholic converts: British and American intellectuals turn to Rome. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1997. – XIV, 343 p.) / А. В. Валоженич // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История : [реферативный журнал]. – 1999. – № 4.
5. Гуссерль Э. Феноменология // Статья в Британской энциклопедии : [электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.philosophy.ru/library/husserl/gus_phen.html.
6. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек ; [пер. с англ. А. Смирного]. – М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
7. Жижек С. От Иова к Христу: прочтение Честертона через апостола Павла / С. Жижек ; [пер. с англ. Р. Бараша] // Логос. – 2011. – № 3 (82).
8. Жильсон Э. Разум и Откровение в Средние века / Э. Жильсон ; [пер. с фр.] // Богословие в культуре Средневековья. – 2000. – 595 с.
9. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант ; [пер. с нем. Н. Лосского]. – М. : Мысль. – 1994. – 591 с.
10. Кларк С. Перевернутое время: Г. К. Честертон и научная фантастика / С. Кларк ; [пер. с англ.]. – М. : БИ, 2009. – 257 с.

11. Милбанк Дж. Новое разделение: романтическая vs. классическая ортодоксия / Дж. Милбанк ; [пер. с англ.] // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. – 2011. – № 36.
12. Милбанк Дж. Христианство возродится только в том случае, если будет стараться все заново переосмыслить по-христиански / Дж. Милбанк ; [пер. с англ.] // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 3 (31).
13. Оганесян Э. А. Философские основания прикладной этики: постановка проблемы / Э. А. Оганесян, И. А. Асеева // Известия Юго-Западного государственного университета. – Курск. – № 2 (47). – С. 97.
14. Самарина М. С. Францисканская философская литература: «Номо повус» и обновление мира / М. С. Самарина // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2014. – № 1.
15. Суховский А. В. Теология как детектив: богословские сюжеты в творчестве Г. К. Честертона / А. В. Суховский. – Санкт-Петербургский институт экономики, культуры и делового администрирования : [материалы конференции «Инновации в России: потенциал, состояние, перспективы»]. – Санкт-Петербург, 20.04.2011.
16. Трауберг Н. Л. Проповеди и притчи Гилберта Кийта Честертона / Н. Л. Трауберг // Честертон Г. К. Избранные произведения : [в 3-х т.; т. 1.]. – М. : Худ. лит., 1992. – С. 5–20.
17. Харт Д. Красота бесконечного. Эстетика христианской истины / Д. Харт ; [пер с англ. А. Лукьянова]. – М. : ББИ. – 2010. – 673 с.
18. Честертон Г. К., Вечный Человек. Ортодоксия / [пер. с англ. Н. Трауберг] – М.: Издательство Эксмо, СПб.; Мидгард, 2004. – 704 с.
19. Честертон Г. К. Собр. соч. : [в 5-ти т.; т. 5: Вечный Человек. Эссе] / Г. К. Честертон ; [пер. с англ.; сост. и общ. ред. Н. Л. Трауберг]. – СПб. : Амфора, 2000. – 371 с.
20. Честертон Г. К. В защиту «дешевого чтения» / Г. К. Честертон ; [пер. с англ.] // Честертон Г. К. Писатель в газете. – М. : Прогресс, 1984. – С. 35–39.
21. Честертон Г. К. Стивенсон / Г. К. Честертон ; [пер. с англ.] // Честертон Г. К. Писатель в газете. – М. : Прогресс, 1984. – 390 с.
22. Честертон Г. К. Автобиография. Избранные произведения: [в 3-х т.; т. 2.] / Г. К. Честертон ; [пер. с англ. Н. Л. Трауберг]. – 1992. – 350 с.
23. Шиндина О. В. Честертоновские мотивы в творчестве В. Каверина / О. В. Шиндина // Изв. Саратов. ун-та. Серия: История. Международные отношения. – 2012. – № 3.
24. Debate G. K. Chesterton with B. Russell : [electronic resource] / G. K. Debate. – Mode of access : <http://thehuffexpress.blogspot.com/p/bertrand-russell-in-first-place-imust.html>.

УДК 130.122

Мищенко В. И.

Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»

ПОСТИЖЕНИЕ ДУХОВНОСТИ

В статье анализируются основные направления в исследовании духовности, в основании которых лежит как определённое основополагающее, по мнению авторов, свойство, качество личности, так и система определённых ценностей, свойств функционального характера, делается попытка оценить степень продуктивности результатов исследования для практики духовного воспитания. Исходя из результатов исследования, автор предлагает динамическую саморазвивающуюся систему взаимосвязанных элементов, в основании которой рассматривается определённый механизм катарсического воздействия, которое раскрывается через анализ предпосылок и факторов возникновения духовности. Рассматривается особая роль возвышенного в формировании основополагающего свойства духовного – категории святости. Определяется стратегия философии образования – миропостижение как источник и основа духовного воспитания.

Ключевые слова: *духовность, возвышенное, катарсис, святость, философия образования, духовное воспитание, духовный облик, открытость миру.*